

Динамика соотношения международного права и международной морали: теоретический и методологический аспекты

Шугуров М.В.,

доктор философских наук, доцент,
профессор Саратовской государственной юридической академии
E-mail: shugurovs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются многообразные аспекты соотношения международного права и международной морали в контексте их исторического развития. Автор выдвигает подход, согласно которому мораль и право должны анализироваться как взаимодополняющие друг друга нормативные системы, регулирующие международные отношения. Большое внимание уделяется анализу моральных начал современного международного права, а также значению международной морали для перспектив эволюции международного права в условиях глобализации.

Ключевые слова: международное право, международная мораль, глобализация, двойные стандарты, плюрализм, справедливость, права человека.

Вопросы соотношения международного права и международной морали всегда были и остаются предметом особого внимания науки международного права, в частности, его теории и философии¹. Это определяется тем, что объективные процессы возрастания влияния и значения международного права, коррелирующие его кодификации и прогрессивному развитию, во многом находятся в прямой зависимости от целого ряда факторов. Один из них — поддержание гармоничных отношений между международным правом и международной моралью, достижение их эффективного взаимодействия, являющегося одним из оснований применения к международному праву категории легитимности.

Как известно, международная жизнь — это всегда ситуация напряженного выбора поведения на международной арене, предполагающего следование правовым, моральным и политическим нормам, а также выбор векторов сочетания национальных и интернациональных интересов. Сегодня уже вряд ли кто-либо будет утверждать то, что какая-то из указанных систем выступает в качестве главной и основной. Отношения между ними выстраиваются в соответствии с логикой взаимодополнительности, которую можно обосновать недостаточностью регулирования международных отношений только на основе одной нормативной системы. Поэтому гармонизация международных нормативных подсистем, уже давно выделившихся из былого состояния синкретизма, представляет собой важнейшее условие устойчивого существования мирового сообщества.

Идейным ориентиром как для доктринального изучения соотношения международного права и международной морали, так и для практики международного общения выступает необходимость решения задачи формирования морально-правового единства современного мира как необходимого условия решения глобальных проблем. Вполне понятно, что эффективное и взаимовыгодное общение может осуществляться на основе эффективного международного права и интегрированной морали, которые также должны активно взаимодействовать друг с другом.

Рассмотрение взаимодействия международного права и международной морали не может проводиться вне учета функционирования «треугольника» — «международное право — международная мораль — международная политика». Дело в том, что в международных делах преимущественно доминирует мировая политика, являющаяся пространством политизированной морали. Поэтому зачастую больший массив международной морали — это морально-политические нормы и ценности, имеющие дивергентный характер и обусловленные экономическими интересами или цивилизационными особенностями. Однако с учетом принципа верховенства права в мировой политике следует говорить о приоритете именно морально-правовых норм и ценностей в международных делах. Подчинение политики праву создает условия и для верного соотношения морального и правового поведения субъектов международной жизни.

В пользу идеи взаимодополнительности нормативных систем приведем точку зрения Ю. Давыдова о том, что, безусловно, мораль призвана к улучшению (облагораживанию — *М.Ш.*) международных отношений (справедливость, верность обязательствам). Однако мирорегулирование, которое базируется на морали, является достаточно субъективным и слишком идеологизированным, абстрактным и, как следствие, —

¹ Дмитриева Г.К. Мораль и международное право. М.: Международные отношения, 1991; Шугуров М.В. Моральный фактор в современной международной правовой политике в сфере права человека // Современное право. 2006. С. 10–15; Boldizar A., Korhonen O. Ethics, Morals and International Law // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. No 2. P. 279–311; Buchanan A. Justice, Legitimacy, and Self-Determination: Moral Foundations for International Law. Oxford, 2007.

оторванным от реальности. (Со своей стороны укажем на «моральный долг» западных демократий помочь гражданам недемократических государств сделать правильный выбор — М.Ш.). В результате желаемое выдается за действительность. Отсюда следует, что мораль может быть фактором мирорегулирования, но не его основой. В этой ситуации возникает потребность в международном праве, которое с формальной точки зрения представляется всесильным. Но в том виде, в каком оно сегодня существует, оно также не может быть надежным и единственным инструментом мирорегулирования².

В рамках подхода к взаимодействию международного права и международной морали с точки зрения их необходимой взаимодополнительности можно в новом ключе развить мысль О.И. Тиунова о том, что для государств характерны понятия чести; большое значение имеет выполнение обещаний, что создает минимум порядка³. Из этого следует, что субъекты международного права выстраивают свои отношения на основе морали и этикета, например, вежливости, но не только. Нам представляется, что следование только либо моральным, либо правовым, либо политическим нормам создает в отдельности всего лишь элементарный уровень порядка, что явно недостаточно для полноценного развития международных отношений. Поэтому эффективный миропорядок возможен только на основе корреляции международных нормативных систем, приводящих к синергетическому эффекту.

Как отмечает Л.Н. Анисимов, мораль поддерживает право, в том числе международное, т.е. право опирается на нормы морали⁴. Но в свою очередь важно подчеркнуть — международное право также поддерживает международную мораль и является гарантом ее целостности и последовательности. Это означает, что значение морали для международного права, как и международного права для морали не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Данный тезис мы более подробно развернем в нашем последующем анализе. Из этой констатации может следовать то, что ни одна из нормативных международных систем не может рассматриваться по логике бинарной оппозиции «главная — второстепенная».

Масштабность задач и целей, характерных для международного права, особенно в условиях заявленного перехода к устойчивому развитию, а также перед лицом глобальных угроз и вызовов, объективно приводит к формулированию очень важной методологической предпосылки. В част-

ности, следует указать на то, что привычное рассмотрение соотношения между моралью и правом на национальном уровне не следует полностью экстраполировать на взаимодействие международного права и международной морали в рамках системы международных отношений. Это можно объяснить тем, что международное право действительно более приближено к морали, чем право внутригосударственное: в нем более четко выражены установки международной морали, что несколько ослабляет собственно юридический характер действия механизмов правового регулирования. Именно в этом заключается один из существенных аспектов международного права, который породил многочисленные дискуссии.

Морализованность международного права некогда служила основой для вывода о том, что оно есть мораль, имеющая квазюридическую форму. Подобный подход был распространен на рубеже XIX–XX вв. Недостатки международного права (отсутствие законодательства, судебных органов, санкций) рассматривались как подтверждение его преимущественно моральной природы. Находились и сторонники отрицания не только функционирования международного права, но и международной морали. Так, профессор Грацского университета Л. Гумплович, социолог права, утверждал, что в международных отношениях нет не только права, но и нравственности. «Не только международное право, но и международная мораль относятся больше к будущему, чем к настоящему; что же касается до прошедшего, то этой эпохе, как учит история, они были совершенно чужды»⁵.

В ответ на данную традицию возникла традиция, которая стремится взвешенно подходить к соотношению международной морали и международного права как связанных, но самостоятельных международных нормативных систем. Как отмечал известный русский юрист-международник Л.А. Комаровский, не следует смешивать международное право и нравственность ввиду особого характера регулирования отношений государств в качестве членов международного союза: за нарушение международно-правовых норм следует не только подрыв уважения к данным государствам, но и принудительные меры⁶.

В современной доктрине верно отмечается, что «международное право рассматривалось не без оснований как позитивная мораль. В наше время положение изменилось. Значительный успех достигнут в совершенствовании механизма действия международного права. Ответственность за нарушения его норм стала отличаться от ответственности за нарушения морально-поли-

² Давыдов Ю. Нормативность в мировой политике // Международные процессы. 2005. № 2. Т. 3. С. 46.

³ Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. С. 57.

⁴ Анисимов Л.Н. Природа норм международного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 42.

⁵ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб., 1910. С. 443.

⁶ Комаровский Л.А. Международное право. М., 1905. С. 10.

тических обязательств»⁷. Значительный акцент ставится на обеспеченности международного права механизмом принуждения, что является той чертой, которая отличает его от морали⁸. Следовательно, вся история развития международного права за последние двести лет сопровождалась его юридизацией, отстаиванием его собственно юридической сущности. Но во многом это произошло не в направлении отмежевания от морали, а путем выстраивания с ней отношений корреляции и пересечения, в результате которого возникали морально-правовые или точнее — юридико-моральные феномены.

Анализируя принцип соблюдения международных обязательств, О.И. Тиунов подчеркивал, что добросовестность не следует рассматривать лишь как норму международной морали, ибо в этом случае произошел бы подрыв значения международного права⁹. Однако из этого не следует, как нам представляется, что международное право не обладает моральными аспектами своей сущности. Заметное институционально-системное укрепление международного права за последние сто лет не означает признания второстепенности морали, тем более в условиях очередного витка проблематизации значения международного права в условия глобализации, описываемой как «кризис», «делегитимация», «девальвация». Несмотря на то, что обязательность норм и принципов международного права более категорична, чем обязательность норм и принципов морали, санкции международной морали в форме осуждения продолжают сохраняться, в том числе в отношении антиправового поведения субъектов международного права.

Известно, что государства, предпринимая противоположные шаги на международной арене, оправдывают их ссылкой на международное право. Поэтому сам вопрос о соотношении морали и международного права может продуктивно ставиться и решаться только на основе парадигм (типов) понимания международного права. Так, с точки зрения либерализма, поведение участников международного общения является реализацией высоких общечеловеческих идеалов и ценностей — мира, сотрудничества, взаимной безопасности, прав человека. С точки зрения реализма, международное право есть правовое оформление политики силы. Вследствие этого в международном праве борются несколько парадигмальных тенденций — тенденция к политизации, тенденция к морализации и тенденция

усмотрения международного права в качестве самостоятельной комплексной системы.

Соотношение права и морали, как на национальном, так и на международном уровне не может расцениваться как полностью бесколлизийный процесс. Как бы то ни было, коллизии, несомненно, должны выявляться и разрешаться. Это можно рассматривать в качестве толчка для дальнейшего развития международного права и международной морали. В частности, мораль может оправдывать действия, которые не соответствуют международному праву. Если говорить о коллизиях, то, к примеру, доктрина и практика гуманитарной интервенции в том виде, как она сложилась в XIX в. покоилась на моральном обосновании примата прав человека и осуществлялась в форме вмешательства, которое, однако, имело преимущественно односторонний характер, что противоречит философии современного международного права, а именно — его установке на следование согласованным действиям.

Казалось бы, понимание морального и аморального, как и правового и неправового является релятивным, т.е. зависящим от субъектов оценки. Так, применение силы в рамках одной системы координат морально, а в другой — аморально. В этой связи следует сказать, что действующее международное право позволяет ограничить данный релятивизм, дезориентирующий поведение субъектов международной жизни, являющихся государственными и негосударственными акторами. Это осуществляется посредством процедуры оценки на основании тех моральных координат, которые являются исходной точкой для согласованных правовых правил международных отношений, представляющих собой действующее международное право. Более того, международное право позволяет зафиксировать некие устойчивые универсальные моральные ориентиры. И это очень важный момент, поскольку международная мораль — явление не только сложное, но и в большей степени противоречивое и недостаточно целостное. Здесь уместно привести известное высказывание Г.И. Тункина, придававшего серьезное значение взаимодействию права и морали в международной системе, о том, что международная мораль действительно представляет собой трудно определяемое явление, но тем не менее, она существует¹⁰.

Обратим внимание на то, что функционирование общего (универсального), и к тому же эффективного международного права, возможно только в случае наличия морального консенсуса, а также готовности к его реализации. На наш взгляд, данный консенсус, как и ценности и принципы международной морали в качестве

⁷ Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004. Заключение международных договоров. С. 543.

⁸ См.: Василенко В.А. Основы теории международного права. Киев: Выща школа, 1988. С. 192.

⁹ Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. С. 59.

¹⁰ Tunkin G. Politics, Law and Force in the Interstate System // *Recueil des Cours*. 1989. Vol. 219. P. 367. P. 227–396.

единого целого, представляет собой презумпцию, играющую важную роль для обоснованности международного права, его легитимности. По всей видимости, именно подобная убежденность в наличии международной морали легла в основу «оговорки Мартенса»¹¹.

Моральный консенсус не есть только лишь некая данность, он зачастую формируется и достигается в процессе международного правотворчества. Из истории международного права можно видеть, с каким трудом вырабатывался тот консенсус, итогом которого стало, например, принятие Всеобщей декларации прав и свобод человека. В этом смысле международное право зависимо от международной морали как условия своей возможности, а именно — от совпадения подходов и моральных оценок тех или иных явлений международной жизни. Для современного международного права важное значение имеет согласование воле не только государств, но и других субъектов международного права. Это связано с отходом от государственно-центричной модели международных отношений, следствием чего является расширение круга субъектов международного морального консенсуса. Думается, что именно это ядро является основой существования мирового сообщества. Одновременно с этим весьма востребованным оказывается *диалог культур и цивилизаций* в качестве реального способа формирования универсального морально-ценностного консенсуса. Вместе с тем, проявление и реализация воли народов к выработке морального консенсуса создает условия для создания позитивных перспектив международного права как традиционного способа регулирования международных отношений.

Современное международное право, находящееся в преемственной зависимости от своего идейного развития в предшествующие столетия, прочно и однозначно закрепляет такие фундаментальные морально-правовые ценностные идеалы международной системы, как мир, сотрудничество, права человека, равенство, справедливость и т.д. Получив свое надлежащее оформление особенно во второй половине XX в., данные морально-правовые категории не перестают оставаться и главными морально-правовыми ориентирами современного глобализационного развития, которое характеризуется все большей связанностью и взаимозависимостью современного мира. Одновременно с этим в условиях глобализации начинает все большую значимость приобретать такая морально-правовая ценность, как безопасность, которая иногда вступает в коллизию с правами человека.

¹¹ См.: Ледях И.А. Мораль в системе международного гуманитарного права // Взаимодействие права и морали: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: МосГУ, 2014. С. 33.

С учетом развития интеграционных процессов можно говорить о тенденции выделения некоторой совокупности морально-правовых, да и политических ценностей в качестве условия и цели такой интеграции. Например, на уровне ЕС, общие коммунитарные (региональные) ценности находятся в основании наднациональной правовой системы. На уровне Совета Европы членство в организации означает признание общих ценностей, на которых строится право Совета Европы. На уровне Евразийского Экономического Союза также имеет смысл говорить об общности культуры и моральных ориентаций, отличающихся верностью историческим традициям. Все это определяется тем, что моральные, да и правовые ценности легче согласовывать именно на региональном уровне. Вместе с тем, общность ценностей не означает отсутствия различий в их интерпретации и механизмах реализации.

Регионализация морали актуализирует задачу достижения универсальной ценностной интеграции в рамках международного общения в целом как особого типа взаимодействия как по содержанию, так и субъектному составу. Поэтому такие моральные категории, как справедливость, равенство, свобода и т.д. имеют здесь особое содержательное наполнение. Так, например, справедливость в отношениях по международной передаче технологий означает учет интереса развивающихся государств в обеспечении доступа к технологиям.

Представляется, что не последнюю роль в выяснении взаимодействия международного права и международной морали играет учет того, что наиболее общим субъектом международной морали является мировое сообщество, которое по вполне понятным причинам достаточно далеко от того, чтобы быть в полном смысле обществом. Отсюда проистекает «рыхлость» международной морали. Можно априорно предположить, что восполнением данной рыхлости выступает значительный моральный потенциал международного права, наиболее заметно проявляющийся в уже упомянутом наиболее морализированном принципе международного права *jus cogens* — принципе добросовестного выполнения государствами своих международных обязательств, являющемся одним из базовых элементов справедливого мирового порядка.

При этом возникает вопрос — а каковы предпосылки и мотивы соблюдения данного принципа, который складывался в качестве обычая международного поведения, возникшего вместе с международным правом и далее ставшего в результате согласия государств одним из ведущих международно-правовых принципов? Отвечая на данный вопрос, В.А. Карташкин отмечает, что «только нравственное и справедливое поведение государств на международной арене, соблюдение ими моральных и нравственных ценностей приведет к торжеству принци-

па добросовестности, как и других общепризнанных принципов современного международного права и, тем самым, будет способствовать повсеместному соблюдению прав и свобод человека»¹². Следовательно, несмотря на различные механизмы обеспечения выполнения государствами принятых обязательств важнейшим ресурсом остается их международное морально-нравственное сознание, составляющее единое целое с их моральным сознанием во внутренних делах.

Моральными интенциями наполнены и другие принципы — принцип всеобщего уважения и соблюдения прав человека, принцип неприменения силы и угрозы силой. Более того, они не просто наполнены моральными интенциями, но и представляют собой зримое их воплощение, обладающее морально-правовой силой. Это, конечно же, не означает, что данные принципы являются принципами мировой морали. Они являются правовыми принципами с высоким моральным содержанием. В случае их нарушений следует не только осуждение со стороны международной общественности, но и наступает международно-правовая ответственность. С нашей точки зрения, именно зримое присутствие в международном праве его универсальных принципов не позволяет ему эволюционировать в направлении «технического» права, являющегося реализацией технократического подхода к правотворчеству как моделированию алгоритмов, имеющих сугубо функциональное значение. О весомом моральном потенциале международного права может свидетельствовать наличие в нем не только института материально-правовой, но и морально-политической ответственности как разновидности международно-правовой правовой ответственности.

Международное право взаимодействует с международной моралью как сложным комплексом норм, ценностей, идеалов, принципов, в настоящее время генезис и сущность которых подвергается самому тщательному анализу, а также рассматривается в их единстве как моральный фактор динамично меняющихся моделей миропорядка¹³. Так, после Второй мировой войны международное сообщество выработало новый моральный идеал — приоритет ненасильственных способов решения международных проблем. Этому идеалу была придана в том числе юридическая сила в форме принципа запрещения угрозы силой, что означало изменение модели миропорядка.

Взаимодействие международной морали и международного права является динамическим процессом и имеет определенные не только док-

тринальные, но и объективные исторические основания и логику развития. Данный динамизм достаточно выпукло акцентирует С.А. Ланцов, подчеркивающий, что «формирование норм международной морали началось в глубокой древности параллельно с нормами международного права. Однако эволюция моральных норм зачастую опережала развитие норм международного права. Представление о безнравственности таких действий, как агрессия, захват чужих территорий, работорговля, колониализм существовали с древних времен. Но еще долго эти действия оставались законными с точки зрения тогдашнего международного права. Лишь в XX в. международное право в этих вопросах пришло в соответствие с нормами международной морали»¹⁴.

Если говорить о новоевропейском периоде, то моральные основания международного права исходили из идеи общения государств, которые рассматривались как члены некоторого специализированного сообщества. Но в это время не обошлось без некоторых агавизмов, которые в свое время были отмечены Кантом. В частности, он указывал, что на международной арене существует соперничество, а также, что на мировой арене люди действуют как корыстные, злобные и тщеславные субъекты. Помимо этого, он указывал на наличие силы как аргумента и на «грубую необщительность». Тем не менее классическое международное право, хотя и закрепляло мораль «сильного», но заметным образом ограничивало данную морально-правовую установку в отношениях между «цивилизованными народами» и закрепляла, пусть и применительно к ограниченному кругу субъектов (государств), принципы невмешательства, уважения государственного суверенитета, предусматривала и гуманизацию вооруженных конфликтов («право Гааги»). Данные принципы получили свое дальнейшее развитие и закрепление в современном международном праве, в условиях глобализации перешедшего на новую стадию своего развития.

Из сказанного можно сделать важный вывод о том, что сама мораль формировалась параллельно с эволюцией международного права и может рассматриваться как предшествующая ему, хотя, конечно, проведение в данном случае принципа историзма вступает в противоречие с естественно-правовым подходом к международному праву. Современное международное право закрепляет в своих положениях *последовательную систему гуманистических моральных норм и ценностей*. Данная система становилась основой международного права с начала Нового времени, хотя и допускались некоторые отступления, например, отсутствовал запрет на войну как способ решения межгосударственных проблем.

¹² Карташкнн В.А. Права человека и добросовестное выполнение государствами международных обязательств // Взаимодействие права и морали: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: МосГУ, 2014. С. 19.

¹³ Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства. М.: Восток-Запад, 2011.

¹⁴ Ланцов С.А. Мораль, право и политика как результаты международных отношений: теоретические концепции и внешнеполитическая практика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2005. № 3. С. 105.

Вполне обоснованно говорить о моральном прогрессе международного права, индикаторами которого является закрепление в его инструментах тех моральных норм и принципов, которые содействуют более слаженному и безопасному развитию системы международных отношений. Вполне понятно, что высокие моральные идеалы, в том числе закрепленные в международном праве, а не только в моральном сознании народов, могут быть реализованы только при наличии правовых гарантий. Ими являются механизмы международно-правового регулирования и принятия решений. Следовательно, в целом вполне справедливо говорить, во-первых, о моральной основе международного права, а, во-вторых, о морали в самом международном праве, понятом как совокупность норм, предусматривающих права и обязанности его субъектов, реализующихся в их поведении на международной арене, которое имеет моральные аспекты, ибо данные субъекты — одновременно являются и акторами мирового морального порядка, пусть и не такого определенного как международный правопорядок.

Международная мораль, находящаяся в основании международного права, как мы уже отмечали, является сама по себе достаточно хрупким и аморфным образованием с точки зрения системности ввиду ее фрагментированности. Кстати говоря, она по большому счету никогда и не отличалась высокой степенью интегрированности. В продолжение указанной ее аморфности как специфическую черту ее сложности следует отметить ее противоречивость, что предопределяет отсутствие всеобщей моральной оценки. А это во многом затрудняет позиционирование морали как оценки международного права. В том случае, если она осуществляется, то является неоднозначной, поскольку «мировое общественное мнение» является презумпцией.

В современных условиях, как, впрочем, и ранее, мировое общественное мнение подвержено манипуляции. Но хотя международная мораль и представляется достаточно аморфной, она как совокупность долженствований и представлений все-таки выступает в ряде случаев основой для моральной оценки, однако последняя не всегда коррелятивна реальному моральному содержанию действующего международного права. В рамках данного исследовательского сюжета приведем выводы, к которым пришел С.В. Коростелев. По его мнению, в процессах принятия решения о применении военной силы в целях поддержания мира и безопасности такие действия иногда получают общественное осуждение, хотя и согласуются с положениями Устава ООН¹⁵.

Возможность более выверенной оценки тех или иных действий на международной арене предоставляет международное право. При этом оно позволяет не только дать правовую оценку тех или иных действий (применение санкций, использование репрессалий, отказ в экстрадиции), но позволяет дать также морально-правовую и морально-политическую оценку. В результате, несоблюдение международного права со стороны его субъекта одновременно может рассматриваться как безнравственный акт. Таким образом, правовая оценка интегрирует в себя моральную. Однако универсальность такой оценки зависит от того, что большинство акторов международного взаимодействия признали те или иные действия противоречащими действующему международному праву. Проблема заключается лишь в том, каково пороговое значение того большинства, признающего факт несоблюдения. Определенную сложность порождает и то, что государства как основные субъекты международного права, особенно развитые государства, придерживаются своего собственного видения его природы и назначения.

На международном уровне мораль, особенно в условиях перехода к постгосударственно-центричной модели международных отношений, подвергается еще большей плюрализации, вплоть до дивергенции. Однако вполне очевидно, что международное общение вряд ли будет эффективно развиваться, если моральный плюрализм, содержащийся в представлениях о справедливости, гуманизме и т.д., будет *радикальным*. Поэтому для «обуздания» мировой моральной анархии служит международное право, которое, тем не менее, само возможно благодаря моментам самоорганизации в самой международной морали, а именно — выработке согласованных позиций, что, конечно же, имеет в своей основе волютивные факторы (политическую волю).

Вполне очевидно, что конвенционализм международного права тесно связан с конвенционализмом в морали. Однако на уровне международной системы гораздо легче договориться в праве, нежели в морали. Тем не менее, факт существования общепризнанного и общего международного права требует определенных усилий по созданию и совершенствованию общепризнанной морали. Ее не следует рассматривать как нечто предсуществующее, она — результат приложения многосторонних усилий. Поэтому, принимая на себя те или договорные обязательства, государства как основные субъекты международного права, не только входят в пространство соответствующей международной морали, но и консолидируют ее. Вместе с тем, именно возможность существования такой консенсуальной морали и делает возможным существование формально-определенных международно-правовых норм.

¹⁵ См.: Коростелев С.В. Упреждающие действия государств и с позиций международного права, морали и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. С. 74–78.

Международную мораль как стихийно сложившуюся и продолжающую эволюционировать нормативно-ценностную систему не следует представлять в качестве сугубо внешнего фактора и внешнего источника развития международного права. Международное право не только имеет моральные основания и моральную санкцию, но в свою очередь закрепляет в своих нормах и институтах *согласованные* моральные представления международного сообщества и придает им силу закона. Они закрепляются во всех элементах международно-правовой системы, в которую входят правовая культура, позитивное (договорное) и обычное право, но особую значимость имеет здесь международно-правовое сознание субъектов международного права — государств, народов и международных организаций. Таким образом, мораль как бы присутствует внутри права. Отражением этого является тот факт, что в современном международно-правовом сознании весомая роль принадлежит естественно-правовому сознанию, а естественное международное право позитивируется в действующем международном праве. Однако вполне очевидно, что международная мораль не сводится только к морали, присутствующей в международном праве и международно-правовой системе.

Актуальность исследования взаимодействия международных нормативных систем, осуществляющегося на уровне поведения конкретных субъектов международных отношений и международного общения, в современных условиях вызвана сложными перипетиями, с которыми сталкивается развитие современного мирового сообщества в условиях глобализации. Здесь имеется в виду реализация сценария односторонней глобализации, отсутствие консенсуса в отношении решения глобальных проблем современности. В дополнении необходимо отметить, что глобализация современного мира требует формирования систем глобального управления природными ресурсами, переходом к устойчивому развитию, и т.д. Разумеется, это предполагает разрешение целого ряда не только правовых, но и морально-этических коллизий в формате формирования новых моральных и правовых представлений. Подобно тому, как на смену взаимодействия международного права и международной морали в «классический век» пришло их взаимодействие в XX в., так и реалии XXI в. характеризуются новым рисунком их взаимодействия, что обусловлено содержательной динамикой морально-международного комплекса.

Если говорить о тенденциях развития международной морали, то в условиях глобализации ее мозаичность усилилась. Это связано с увеличением числа акторов международного общения по причине отхода от государственно-центричной модели международных отношений, что привносит новые моменты во взаимодействие меж-

дународного права и международной морали, создающие новые условия эволюции международного права и имплементации его положений. Динамика современной международной морали обусловлена разрастанием сегмента транснационального коммуникативно-сетевых общения, в рамках которого происходит формирование либо новых моральных установок, либо конкретизация имеющихся (например, право на неприкосновенность частной жизни). Сетевые структуры одновременно открывают и возможности для уничтожения (открытого проявления пренебрежения) прав и свобод человека, что является нарушением устоявшихся моральных и правовых норм и ценностей.

Вместе с тем, сложные процессы, происходящие в мировой морали, вызывают реагирование со стороны международного правосознания и международного права как нормативной системы. Однако влияние процессов в моральной сфере на международное право является не абсолютным, а опосредованным по причине указанной выше самостоятельности международного права. В определенном смысле некоторые изменения в морали могут входить в коллизию с теми морально-правовыми ценностями, которые закреплены в международном праве. В этом случае, повышается значимость судебных органов, которые отстаивают традиционные ценности. Например, Европейский Суд по правам человека придерживается позиции, что у человека есть право на жизнь, но нет права на смерть.

Одновременно с этим изменения в морали являются толчком для формирования со стороны мирового сообщества философии морали глобализирующегося мира, которая, безусловно, окажет влияние на философию развития международного права, что может проявиться в философии реформирования международных организаций, укреплении органов международного правосудия, совершенствовании форм и методов международно-правового сотрудничества и т.д. Однако глобальная моральная философия не может быть гомогенной. Это связано с цивилизационными особенностями акторов международного общения, которые являются субъектами международного права (государства и народы).

Мировая моральная философия как объективный дух мирового сообщества имеет и концептуальный аспект. Если говорить об основных концепциях моральной философии, которые воздействуют опосредованным образом не только на мировую политику, но и на международное право, то следует отметить *релятивизм*, учитывающий культурные особенности участников международного общения, *универсализм* (космополитизм), *скептицизм* (связан с политическим реализмом, призывающим исходить из прагматизма и благоразумия в международных делах),

коммуитаризм (исходит из существования общих моральных принципов, но учитывает сложность согласования интересов).

К одному из современных негативных элементов современной международной жизни относится расширение практики так называемых «двойных стандартов», используемых в мировой политике и означающих проведение разных подходов и осуществление разных оценок к одним и тем же действиям, предпринимаемым разными субъектами международной жизни, что говорит о явной несправедливости. В качестве причин рассматриваемого явления указывается рассогласование политики и морали, чреватое обманом народов своими же государствами¹⁶. Одновременно указывается и такая причина как неспособность международного права реагировать на современные вызовы и угрозы человечеству. Конкретизируя данную причину, Л.А. Мусаелян говорит о девальвации международного права, которое находится в состоянии кризиса, поэтому неспособно «адекватно реагировать на современные вызовы и обеспечивать стабильный миропорядок, что связано с недостаточной четкостью механизмов реализации норм и принципов международного права, коллизиями между принципами, пробелами»¹⁷. В результате вновь оживляется дискуссия о международном праве именно как праве.

Следует признать, что, действительно, в условиях глобализации международное право оказалось в непростой ситуации, характеризующейся нестабильностью мироотношений, угрозами стабильному международному правопорядку. В этой ситуации ведущие юристы-международники признают, что в целом международное право — явление динамичное и нередко прогрессивное, но оно не успевает за происходящими в мире изменениями, несмотря на то, что предмет его регулирования неуклонно расширяется. В этой ситуации перспективы международного права связываются с активностью государств как основных субъектов международного права, их позицией и поведением, адекватным осознанием глобальных проблем, готовности действовать совместно в противостоянии общим угрозам и обеспечении общих интересов¹⁸.

Как нам представляется, многое сегодня зависит от морального сознания и совести государств, на которые оказывают соответствующее

влияние не только задокументированные в международно-правовых документах высокие общечеловеческие принципы, фиксирующие горизонт морального и правового развития, но и реальная мораль. В результате, исходя из того, что «государства являются первичными субъектами международного права именно потому, что они являются основными носителями международных прав и обязанностей»¹⁹, следует признать их основную ответственность за реализацию морального содержания международного права и требований международной морали, которая должна дополняться ответственностью всех субъектов международной жизни, являющихся и не являющихся субъектами международного права.

В заключение необходимо отметить, что в целом соотношение международного права и международной морали следует рассматривать как прямое и обратное. Международная мораль выступает «естественной» основой международного права, которое в свою очередь оказывает воздействие на международную мораль — стабилизирует ее посредством юридического закрепления основополагающих моральных принципов — приоритета прав и свобод человека, справедливости, ненасилия и т.д. Итак, современное международное право, закрепляя возвышенные интенции современной международной морали, подвергающейся сегодня радикальной плюрализации, в целом оказывает на систему международных отношений помимо сугубо правового также и моральное воздействие, необходимое для консолидации мирового сообщества в целях достойного реагирования на современные глобальные вызовы и угрозы.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. Сохранит ли международное право активную регулируемую роль в глобализирующемся мире? // Будущее международного права: сб. ст. / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2016. С. 7–16.
2. Авхадеев В.Р. Государства как первичные субъекты международного права // Субъекты современного международного права / Отв. ред. О.И. Тиунов. М.: ИФРА-М, 2015. С. 16–28.
3. Анисимов Л.Н. Природа норм международного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 32–42.
4. Василенко В.А. Основы теории международного права. Киев: Выща школа, 1988. 287 с.
5. Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб., 1910. 516 с.
6. Давыдов Ю. Нормативность в мировой политике // Международные процессы. 2005. № 2. Т. 3. С. 40–52.
7. Дмитриева Г.К. Мораль и международное право. М.: Международные отношения, 1991. 164 с.
8. Комаровский Л.А. Международное право. М., 1905. 118 с.
9. Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства. М.: Восток-Запад, 2011. 600 с.
10. Карташкин В.А. Права человека и добросовестное выполнение государствами международных обязательств // Взаимодействие права и морали: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: МосГУ, 2014. С. 18–23.

¹⁶ Михайленко А.Н. Двойные стандарты в современной мировой политике // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5. С. 29.

¹⁷ Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья первая: феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 4. 2014. С. 6.

¹⁸ Абашидзе А.Х. Сохранит ли международное право активную регулируемую роль в глобализирующемся мире? // Будущее международного права: сб. ст. / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2016. С. 15.

¹⁹ Авхадеев В.Р. Государства как первичные субъекты международного права // Субъекты современного международного права / Отв. ред. О.И. Тиунов. М., 2015. С. 28.

11. Коростелев С.В. Упреждающие действия государств и с позиций международного права, морали и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. С. 74–78.
12. Ланцов С.А. Мораль, право и политика как результаты международных отношений: теоретические концепции и внешнеполитическая практика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2005. № 3. С. 102–113.
13. Ледях И.А. Мораль в системе международного гуманитарного права // Взаимодействие права и морали: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: МосГУ, 2014. С. 31–37.
14. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004. Заключение международных договоров. 658 с.
15. Михайленко А.Н. Двойные стандарты в современной мировой политике // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5. С. 26–35.
16. Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья первая: феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 4. 2014. С. 5–13.
17. Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. 184 с.

Dynamism of Correlation between International Law and International Morality: Theoretical and Methodological Aspects

Shugurov M.V.,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of Saratov State Law Academy
E-mail: shugurovs@mail.ru

Abstract. *The present article deals with regarding varied aspects of correlation between international law and international morality in the context of their historical development. Author suggests the approach in accordance with it the moral and the law should be analyzed as supplementing each other normative systems regulating international relations. Much attention is paid to analyzing the moral foundations of international law and to significance of international morality for further perspectives of its evolution in situation of globalization.*

Keywords: *international law, international moral, globalization, double standards, pluralism, justice, human rights.*

References

1. Abashidze A.Kh. Sokhranit li mezhdunarodnoe pravo aktivnyuyu reguliruyushchuyu rol' v globaliziruyushchemsya mire? // Budushchee mezhdunarodnogo prava: sb. st. / Pod red. K.A. Bekyasheva. M.: Prospekt, 2016. S. 7–16.
2. Avkhadeev V.R. Gosudarstva kak pervichnye sub"ekty mezhdunarodnogo prava // Sub"ekty sovremennoego mezhdunarodnogo prava / Otv. red. O.I. Tiunov. M.: IFRA-M, 2015. S. 16–28.
3. Anisimov L.N. Priroda norm mezhdunarodnogo prava // Leningradskiy yuridicheskij zhurnal. 2010. № 3. S. 32–42.
4. Vasilenko V.A. Osnovy teorii mezhdunarodnogo prava. Kiev: Vyshcha shkola, 1988. 287 s.
5. Gumplovich L. Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb., 1910. 516 s.
6. Davydov Yu. Normativnost' v mirovoy politike // Mezhdunarodnye protsessy. 2005. № 2. T. 3. S. 40–52.
7. Dmitrieva G.K. Moral' i mezhdunarodnoe pravo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 164 s.
8. Komarovskiy L.A. Mezhdunarodnoe pravo. M., 1905. 118 s.
9. Kapto A.S. Moral' v modelyakh miroustroystva. M.: Vostok–Zapad, 2011. 600 s.
10. Kartashknn V.A. Prava cheloveka i dobrosovestnoe vypolnenie gosudarstvami mezhdunarodnykh obyazatel'stv // Vzaimodeystvie prava i morali: materialy mezhdunar. nauch. konf. / Otv. red. T.A. Soshnikova. M.: MosGU, 2014. S. 18–23.
11. Korostelev S.V. Uprezhdayushchie deystviya gosudarstv i s pozitsiy mezhdunarodnogo prava, morali i politiki // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 4. S. 74–78.
12. Lantsov S.A. Moral', pravo i politika kak rezul'taty mezhdunarodnykh otnosheniy: teoreticheskie kontseptsii i vneshnepoliticheskaya praktika // Politicheskaya ekspertiza: POLITEK, 2005. № 3. S. 102–113.
13. Ledyakh I.A. Moral' v sisteme mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Vzaimodeystvie prava i morali: materialy mezhdunar. nauch. konf. / Otv. red. T.A. Soshnikova. M.: MosGU, 2014. S. 31–37.
14. Lukashuk I.I. Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov: v 2 t. T. 1. M.: Volters Kluver, 2004. Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov. 658 s.
15. Mikhaylenko A.N. Dvoynye standarty v sovremennoy mirovoy politike // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2015. № 5. S. 26–35.
16. Musaelyan L.A. Deval'vatsiya mezhdunarodnogo prava. Stat'ya pervaya: fenomenologiya i doktrinal'nye faktory vozniknoveniya pravovogo nigilizma i dvoynykh standartov v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. Vyp. 4. 2014. S. 5–13.
17. Tiunov O.I. Printsip soblyudeniya mezhdunarodnykh obyazatel'stv. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979. 184 s.